

УДК 398(049.32)

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-75-84

Рецензия на книгу:
Мерридейл К. Каменная ночь:
смерть и память в России XX века.
М.: Corpus, 2019. 512 с.

Екатерина А. Закревская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zakrevskaya.ea@gmail.com*

Для цитирования: Закревская Е.А. [Рец.]: Мерридейл К. Каменная ночь: смерть и память в России XX века. М.: Corpus, 2019. 512 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 1. С. 75–84. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-75-84

Book review:
Merridale C. Night of stone.
Death and memory in 20th century Russia.
M.: Corpus, 2019. 512 p.

Ekaterina A. Zakrevskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakrevskaya.ea@gmail.com*

For citation: Zakrevskaya, E.A. (2021), [Book review], "Merridale C. Night of stone. Death and memory in 20th century Russia. M.: Corpus, 2019. 512 p.", Folklore: Structure, Typology, Semiotics, vol. 4, no. 1, pp. 75–84, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-1-75-84

Как двадцатый век изменил отношение к смерти и мертвым? Как изменились похороны и память о погибших, и как эти изменения были связаны с политическими обстоятельствами? В «Каменной ночи» британский историк и писатель Кэтрин Мерридейл отвечает на эти вопросы.

© Закревская Е.А., 2021

Мерридейл – признанный специалист в области российской и советской истории. Защитив в университете Бирмингема научную степень на тему коммунистической партии в период 1925–1932 гг., она продолжила заниматься российской проблематикой. Широко известны такие ее работы, как «Красная крепость», повествующая об истории Московского Кремля, и «Иванова война», посвященная Красной армии. «Каменная ночь» (2001) предшествовала им и была первой крупной работой исследовательницы, но на русском языке книга вышла только в 2019 г. в переводе Ксении Полужковой-Кример.

В 2014 г. Мерридейл завершила научную карьеру, став писательницей, но стиль ее научных работ всегда тяготел к художественному: на протяжении всей «Каменной ночи» не раз встречаются, например, длинные, обстоятельные и полные метафор описания мест, где происходят те или иные события. Другой неотъемлемой особенностью книги являются пространственные исторические экскурсы, сопровождающие каждую главу и предваряющие анализ источников, – для российского читателя они могут показаться избыточными, однако не надо забывать, что книга рассчитана в первую очередь на англоязычную аудиторию.

Именно так – с развернутого, почти беллетристического повествования о личном опыте, переходящего в исторический ликбез, – «Каменная ночь» начинается. Исследовательница рассказывает о том, как посетила открытие мемориального кладбища в урочище Сандармох, где в 1937 г. были расстреляны более тысячи человек (с. 13–21). Показывая, как, дождавшись окончания официальной части мероприятия, их родные и потомки начали обустраивать в лесу импровизированные могилы, она обращает внимание читателя на вариативность их похоронных ритуалов: приехавшие прикрепляли к вбитым в землю столбикам, даже не обозначавшим персональные захоронения, цветы, свечи, фотографии, справки о реабилитации или, наоборот, копии приговоров и судебных протоколов, а некоторые оставляли на могилах еду. Похоронная обрядность и представления о смерти и загробной жизни в этой книге описываются много и тщательно, что, несомненно, заинтересует фольклористов и антропологов. Однако надо понимать, что эти темы являются не центральными, а скорее вспомогательными: Мерридейл использует анализ связанных со смертью ритуалов и верований как лакмусовую бумажку, отображающую происходящие в обществе изменения. Через отношение к смерти и мертвым она ставит цель описать не только исторические и политические процессы, происходившие в России XX в., но и мировоззрение и самоощущение людей, ставших их свидетелями (с. 27).

В книге 12 глав, связанных с вехами истории, которые, по мысли Мерридейл, изменили мировоззрение, самоощущение, обрядность и память россиян в XX в. В первой главе под названием «Тот свет» (с. 37–67) она описывает крестьянские представления о смерти и похоронные обряды начала XX в.: исследовательница абсолютно точно замечает, что для дальнейшего разговора о представлениях советских граждан в целом необходимо обратиться именно к этой, самой многочисленной на тот момент, группе населения, из которой в ходе процесса урбанизации выйдет основная масса горожан. Для реконструкции представлений о смерти, загробной жизни и похоронных ритуалах она использует, например, материалы Тенишевского архива, «Очерки русской мифологии...» Дмитрия Зеленина и монографию «Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России» Вильяма Райана.

Во второй главе, посвященной предреволюционному времени («Культура смерти», с. 68–99), Мерридейл переходит к описанию изменений, произошедших в традиционной культуре в первое десятилетие XX в. В их числе она выделяет отход крестьян в города и переквалификацию в рабочих, развитие медицинской системы и появление врачей в деревнях (в силу того, что врачи имели дело с болезнями и смертью, их дневниковые записи можно рассматривать как ценные источники информации о медицинских и похоронных обрядах, а также о деревне в целом), участвовавшие из-за аграрного переселения случаи голода, еврейские погромы, массовые протесты и жестокость власти при их подавлении. Именно с ними Мерридейл связывает волну самоубийств, а также происходивших в ходе игры в суд или смертную казнь убийств среди детей.

В главе под названием «Дворец свободы» (с. 100–132) описаны изменения в сфере похоронной обрядности и отношения к смерти в 1910-е гг. «Красные похороны» – атеистический похоронный обряд – зародились задолго до революции (Мерридейл приводит в пример похороны писателя-народника Николая Шелгунова), но в условиях растущего антиклерикализма, соединившегося с частичной утратой пласта архаических представлений у рабочих (например, представления о годовом цикле потеряли актуальность на заводе), они распространялись все шире. Кроме этого, автор рассматривает занимавшие элиту идеи космизма, образы вечной жизни в дискурсе о жертвах революции, а также описывает Первую мировую войну, которая стала тяжелым потрясением для общества, но почти сразу же была оттеснена следующими событиями и осталась никак не отрефлексированной.

Четвертая глава, «Преобразующий огонь» (с. 133–161), посвящена Гражданской войне. Мерридейл отмечает, что несмотря на

неизбежно появляющееся в военное время безразличие к смерти и мертвым, в деревнях традиционные похоронные обряды все еще оставались неизменными.

В пятой главе («Красные похороны», с. 162–194) речь идет о ранних годах советского режима. Несмотря на то, что институт церкви к XX в. переживал системный кризис и терял популярность, организованную борьбу с церковью Мерридейл считает травмирующей для множества людей: знакомые обряды структурировали многие, в том числе и похоронные, практики, а христианские представления о загробной жизни были более определенными, чем те, что обещала новая идеология; особенно тяжелым этот удар стал из-за предшествующих ему войн и потрясений. Описаны первые попытки советской власти реформировать похоронную индустрию: открытие крематория в Петрограде, появление новых кладбищ для героев революции и Гражданской войны, смерть Ленина и появление Мавзолея.

Глава под названием «Великое молчание» (с. 195–228) посвящена коллективизации и голодомору. Мерридейл отмечает, что сложно говорить о том, как крестьянством воспринимались множественные смерти от голода, – поиск источников оказался затруднен существовавшей в сталинское время цензурой. Об этом периоде она судит в основном по материалам устной истории – и приходит к выводу, что в условиях почти полного умолчания о жертвах раскулачивания и голода формирование коллективной памяти об этих событиях стало невозможным. Нарративам опрошенных исследовательницей пожилых жертв раскулачивания свойственно ощущение уникальной стигматизированности, как если бы судьбы их семей были единственными в своем роде.

В седьмой главе («Каменные ночи», с. 229–261) речь идет о Большом терроре. Мерридейл акцентирует внимание на участившихся в этот период случаях суицидов, в которых люди видели единственную возможность избежать расстрела или заключения в лагере. Она анализирует память о Большом терроре, основываясь на взятых во время поездки в Россию интервью. Автор отмечает, что, как и в случае с коллективизацией, невозможность сопоставлять свои истории в свободном обсуждении привела к отсутствию коллективной памяти и восприятию жертвами репрессий своих историй как уникальных. Отсутствие публичного дискурса о Большом терроре стало причиной появления некоторых мифов. Например, исследовательница отмечает, что в кругах психологов распространено представление о стоицизме заключенных, на чье ментальное здоровье как будто бы не повлиял опыт пребывания в лагере.

Восьмая глава, «Россия в войне» (с. 262–297), рассказывает о Великой Отечественной войне. Память о ней коренным образом отличается от памяти о репрессиях, так как она была сформирована и структурирована многочасовыми обсуждениями, книгами, кино, речами политиков, встречами ветеранов. Именно это обстоятельство Мерридейл считает проблемой: по ее мнению, реальный опыт и реальное восприятие войны были оттеснены пропагандистским каноном. Говоря о том, что ей удалось восстановить по материалам интервью, она отмечает, что отечественная война, наряду с Гражданской войной, коллективизацией и голодом, стала очередным этапом рутинизации смерти и отмирания похоронной обрядности. На примере историй блокадного Ленинграда и оккупированных советских территорий она показывает, что близкое соседство со смертью в военные годы стало обыденным для множества людей.

Глава под названием «Пантеон» (с. 298–330) повествует о послевоенном мире. Множество людей в это время были травмированы переживанием утраты близких людей, военным опытом или столкновением с репрессивной машиной государства. Речь заходит не только о прощании со Сталиным (в проектах мемориала которому Мерридейл видит влияние как космизма, так и архаических представлений), но и о похоронах рядовых советских граждан, которые в это время балансировали между более-менее укоренившимся атеистическим советским церемониалом и христианскими практиками, снова обретшими популярность в военное время.

В главе 10, «Смерть в эпоху развитого социализма» (с. 331–362), Мерридейл пишет об эпохах оттепели и застоя. Исследовательница рассматривает повлиявшие на отношение к смерти события тех лет. Это «протестные» похороны известных личностей – Ахматовой, Пастернака и Высоцкого, а также война в Афганистане и черныбыльская катастрофа. Кроме того, в этой главе описано создание киевского крематория, призванного сформировать новую похоронную культуру. Кремация должна была прийти на смену христианским и более архаичным обрядам, которые в это время еще были распространены. Так, на примере Хованского и Николо-Архангельского кладбищ исследовательница показывает, что практика приношения на могилу ритуальной пищи в те годы тем не менее процветала.

Одиннадцатая глава («Смерть выходит на поверхность», с. 363–391) охватывает эпоху перестройки и девяностые годы. В условиях значительного ослабления, а затем и отмены цензуры информация о репрессиях стала доступной для широкого круга людей. Мерридейл описывает деятельность учрежденного в 1992 г. общества «Мемориал» и отмечает его роль в формиро-

вании нового канона памяти. Кроме того, речь заходит о вкладе РПЦ в формирование памяти о репрессиях: исследовательница отмечает распространяемый ею образ репрессированных как мучеников.

В заключительной главе («Вслушиваясь в голоса мертвецов», с. 394–421) предоставлена авторская рефлексия методологических основ исследования, впечатления Мерридейл о России и оценка произведенной работы.

К очевидным достоинствам исследования можно отнести множество письменных и архивных источников и аккуратную работу с ними. Когда в первой главе речь заходит о реконструкции представлений и ментальности крестьянства, Мерридейл признает, что необходимо соблюдать осторожность: сами крестьяне фактически не оставили о себе письменных источников, а описания крестьянства, составленные людьми из других слоев общества, крайне субъективны. Это и попытки первых этнографов разглядеть в фольклоре романтический «национальный дух», и представления Толстого о присутствующей в крестьянском мировоззрении стройной философской системе, и упреки Горького, критикующего крестьян за множество суеверий (с. 49).

Говоря о Большом терроре, исследовательница вновь указывает на проблему источников: мемуары заключенных ГУЛАГа или тюрем существуют, но в большинстве своем это тексты, созданные репрессированной «элитой» (поэтами, писателями, политиками и т. д.). Основная масса заключенных была крестьянами или рабочими – представители этих социальных слоев, как правило, не оставляли после себя подробных записей, и о том, как они воспринимали заключение, нам известно крайне мало. То же самое относится и к коллективизации и раскулачиванию, с которыми столкнулось крестьянство.

Некоторые оплошности все же встречаются: например, Мерридейл принимает за чистую монету городскую легенду о пирожках с человечинкой (с. 206). Здесь исследовательница опирается на мемуары микробиолога Николая Бородина, известного по «пенициллиновому делу». Бородин описывает, как во время Голодомора в городке, где он проживал на тот момент, полиция якобы обнаружила в одной из крестьянских хат подвал, где семейная пара, владельцы дома, убивали и разделявали детей, чтобы сделать из них пирожки. Заканчивается эта история предсказуемо: после того, как торговцев человечинкой убила разгневанная толпа, Бородин вспомнил, что и сам в тот день приобрел у них пирожок.

Появление таких историй в связи с Голодомором может объясняться тем же механизмом, что и появление легенд о мыле из евреев после Великой Отечественной войны [Архипова, Зислин

2019, с. 161–163]. Так, Александра Архипова связывает их популярность со страхом стать невольными соучастниками преступления – съесть пирожок с человечиной в этом смысле так же страшно, как и помыться мылом из евреев. Кроме того, известно, что истории, вызывающие физическое отвращение, передаются лучше – именно поэтому в конце легенды появляется съеденный главным героем пирожок [Bell 2002].

Возможно, исследовательницу ввело в заблуждение то, что история была рассказана Бородиным от первого лица. Фольклористов не удивил бы такой переход фабулата в меморат: известно, что «присвоение» быличек или городских легенд в традиции возможно. Кэтрин Мерридейл, будучи по образованию историком, конечно же, не обязана быть знакомой с методами фольклористики, однако нельзя не отметить, что эта история сомнительна и в рамках критики источника. Изготовление пирожков с человечиной в такой ситуации маловероятно: если у предприимчивой пары в разгар Голодомора регулярно оказывались на руках все необходимые ингредиенты для теста (что уже вызывает сомнения), почему они не могли сделать хлеб, или пироги с начинкой, использование которой не связано с такими рисками? Кроме того, кому и за какие деньги они продавали пирожки в нищей голодающей деревне в разгар коллективизации?¹

В условиях отсутствия необходимого количества дневниковых записей и других письменных фиксаций важным источником, особенно необходимым для реконструкции самоощущения советских граждан, становятся глубинные интервью. В «Каменной ночи» используются записи, взятые у четырех категорий населения. Это уцелевшие жертвы главных катастроф советской истории, дети выживших, те, кто занимался устройством судьбы жертв и их семей (медицинские работники, священники, партийные активисты), и, наконец, медицинские работники, ухаживающие за выжившими в наши дни. Интервью проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и в абстрактном «провинциальном городе» – так как исследовательница не смогла найти нужное количество информантов в одном населенном пункте, она «создала» его из трех городов и двух деревень. Записи были как индивидуальными, так и в составе фокус-групп (с. 423).

Несмотря на такой основательный подход к сбору интервью, здесь тоже возникает важная проблема: сама Мерридейл признает, что поначалу забыла привлечь к исследованию информантов,

¹ Впрочем, такое происходит не впервые: Олег Кен в рецензии на «Иванову войну» отмечает, что Мерридейл воспроизводит легенду о горах трупов после чисток НКВД. См. [Кен 2008].

никак не связанных с войнами, репрессиями и прочими катастрофами. Позже исследовательница записала некоторое количество дополнительных интервью, однако сколько из них было использовано, неизвестно (с. 423). Такая тенденциозная выборка кажется особенно проблемной в связи с тем, что в предисловии Мерридейл постулирует желание деконструировать распространенные мифы о русском и советском (с. 29). Бесспорно, репрессии и войны коренным образом изменили советское общество, но прямо проецировать опыт выживших узников лагерей и спецпоселений или уцелевших фронтовиков на людей, не затронутых этими событиями, кажется, все же слишком смело. Скорее можно предположить, что представления о жизни тех, кого катастрофы XX в. задели лишь косвенно, тоже изменились, но каким-то другим образом, и это отдельный важный вопрос, требующий рассмотрения.

Здесь хочется отметить, что Мерридейл уже подвергалась критике за предвзятое отношение к устным источникам. Так, работая над книгой «Иванова война», она не использовала большую часть взятых ею интервью. Рассказы ветеранов не вписывались в ее концепцию: она хотела отделить некий реальный опыт переживания войны от идеологических искажений и для этого отбросила те интервью, в которых рассказчики, по ее мнению, воспроизводили нарративы официального дискурса. Сложно представить, что Мерридейл хотела от них услышать – как отметил Йохен Хелльбек, рассказы солдат могли не содержать элементов советской идеологии только в том случае, если бы было возможно мышление вне языка [Хелльбек 2015, с. 34–35].

Тем не менее объем проделанной работы и количество источников впечатляют. Как можно понять по охваченному временному периоду (да и самой формулировке исследовательского вопроса), перед нами труд, претендующий на то, чтобы называться программным. Исследование Кэтрин Мерридейл является образцом современной постмодернистской историографии, тяготеющей не столько к поиску ответов на вопрос о том, что происходило, сколько к попыткам понять, что происходящее значило для общества. Мерридейл совмещает оптики социальной истории, устной истории, исследований памяти, *death studies* и даже в какой-то степени культурной антропологии и фольклористики – несмотря на то, что за толкование традиции вне контекста и игнорирование последних российских исследований в области фольклористики «Каменная ночь» была раскритикована Катрионой Келли [Келли 2005, с. 273], я все же рискну употребить и эти термины.

Работа над таким исследованием стала возможной в условиях «архивной революции» 1990-х гг. и упразднения цензуры. Более ранняя зарубежная историография СССР в отсутствие таких

источников и до популяризации таких методов исчерпывалась политологическими и историческими исследованиями, а советская – была достаточно специфична из-за цензуры. В наши дни исследования советского и постсоветского продолжаются как за рубежом, так и в России, а применение методов исследований памяти, культурной антропологии или психологии в исторических исследованиях стало повсеместным. В этом плане «Каменная ночь» не удивит современного читателя, но следует помнить, что в оригинале книга вышла в 2001 г. – и, соответственно, предшествовала современным культурным исследованиям. Восемнадцать лет спустя русскоязычный читатель получил возможность ознакомиться с ней уже как с классической работой.

Литература

- Архипова, Зислин 2019 – *Архипова А.С., Зислин И.* Похороны мыла: легенды и реальность Холокоста // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1–2. С. 146–163.
- Келли 2008 – *Келли К.* Опасности, которые в себе таит знакомый мир: русская народная культура от начала XIX века // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 287–294.
- Кен 2008 – *Кен О.* [Рец.] *Catherine Merridale.* Ivan's war. The Red Army 1939–1945 // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 451–455.
- Хелльбек 2015 – *Хелльбек Й.* Введение // Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев: По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны. М.: НЛЮ, 2015. С. 7–145.
- Bell 2002 – *Bell C.* Emotional selection in memes. The case of urban legends // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2002. No. 2. С. 1028–1041.

References

- Arkhipova, A.S. and Zislin, I. (2019), “Burial of the soap. The legends and reality of the Holocaust”, *The City Folklore and Anthropology*, vol. 2, no. 1–2, pp. 146–163.
- Bell, C. (2002), “Emotional selection in memes. The case of urban legends”, *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 2, pp. 1028–1041.
- Hellbeck, J. (2015), “Introduction”, in *Stalingradskaya bitva: svidetel'stva uchastnikov i ochevidtsev. Po materialam Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny* [Stalingrad battle. The testimonials of participants and eye-witnesses. Based on the materials of the Commission on the history of the Great Patriotic War], NLO, Moscow, Russia, pp. 7–145.

- Kelly, C. (2005), "The dangers of the known world. Russian popular culture from 1800", *Forum for Anthropology and Culture*, no. 3, pp. 287–294.
- Ken, O. (2008), "[Book review] Merridale, C. (2008), *Ivan's War. The Red Army 1939–1945*", *Forum for Anthropology and Culture*, no. 8. pp. 451–455.

Информация об авторе

Екатерина А. Закревская, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zakrevskaya.ea@gmail.com

Information about the author

Ekaterina A. Zakrevskaya, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; zakrevskaya.ea@gmail.com